

Тамара Злобина

Любовь
на все
времена

Часть 1

Тамара Злобина

Любовь на все времена. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39855905

ISBN 9785449603999

Аннотация

Действие повести происходит в тяжёлые послевоенные годы, когда не все ещё раны зажили, когда не утихли отзвуки предвоенных репрессий, когда из далёких колымский лагерей возвращаются политзаключённые, осуждённые как враги народа. Через всё прошли главные герои повести, но не ожесточились, не стали жёлчными, недобрыми. Несмотря на трудности, главным в их жизни остаётся понимание, уважение, любовь. Любовь – на все времена.

Содержание

Глава 1. Знакомство	5
Глава 2. Кое-что о Федотовых и Фёдоровых	12
Глава 3. Всё будет хорошо	20
Глава 4. Возвращение блудного отца	27
Глава 5. Третий лишний	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Любовь на все времена

Часть 1

Тамара Злобина

© Тамара Злобина, 2018

ISBN 978-5-4496-0399-9 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-0400-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Знакомство

– Кто такая? – спросил Сергей мальчишку, с которым познакомился всего полчаса назад.

– Так Варька это – с вашего подъезда! – ответил веснушчатый Витька, шмыгая простуженным носом. – На втором этаже живёт. Не видел чё ли?

– Видел, – ответил Сергей, глядя во след девчонке, уже прыгающей по расчерченным классикам. – Всё прыгает, как стрекоза!

– Как коза! – захохотал Витька, но, столкнувшись со строгим взглядом новенького жильца, осёкся.

– Не, а! – продолжил он. – Даже не думай, Серый! Недотрога. Мне два дня назад такого леща выдала: щека потом весь день горела... А я только за руку её схватил.

– Может схватил не так? – засмеялся Сергей. – Вот и выдала.

– Посмотрим, как ты будешь смеяться, когда сам от неё леща схлопочешь! – сердито огрызнулся веснушчатый Витька.

– Лапать не стану – не получу, – поставил в их разговоре завершающую точку Сергей, и широким шагом направился к девчонке.

Догнав Варю, Сергей сказал:

– Девочка, здравствуй!

– Здравствуй! – ответила та, с любопытством поглядывая на незнакомого мальчишку.

– Меня зовут Сергеем, – представился он.

– А меня – Варей, – ответила девочка.

– Ты не могла бы мне помочь? – продолжил Сергей.

– Я? – удивилась девочка.

– Да, ты, – подтвердил мальчишка. – Где я могу набрать воды? Тут нигде поблизости нет колонки? А то у нас в мансарде печь развалилась... Столько пыли... А воды нет.

Варя думала недолго:

– Неси ведро! – сказала она. – Я наберу воды у нас. До колонки – целый квартал.

– Спасибо, – отреагировал Сергей.

– Спасибо скажешь, когда у тебя в руке будет ведро с водой! – задорно засмеялась девчонка, и Сергей решил, что она невероятно красива: светло карие глаза в тёмных точках-звёздочках, ямочки на щеках, пухлые губы, поминутно расплывающиеся в обалденной улыбке и, в дополнение глазам светлые, со странным отливом серебра, волосы, заплетённые в длинную косу, змеей спускающуюся по спине вниз. А ещё простое, безманерное, поведение, присущее обычно девчонкам её возраста.

Они вместе поднялись на мансарду, Сергей вынес ведро и передал его Варе.

Вместе спустились на второй этаж и девочка, буквально через пару минут, вынесла ему полное ведро воды, но решив, видимо, что на этом её помощь не окончена, вновь поднялась с ним на самый верх, поясняя на ходу, что вода в мансарду поднимается только ночью.

– Вам обязательно нужен бак для воды, чтобы запастись водой на весь день. Из колонки не наносишься.

Сергей хотел поблагодарить девчонку и попрощаться с ней, но та помогла ему открыть дверь и шагнула в комнату вслед за ним.

Её глазам открылась неприглядная картина: у стены, где раньше находилась печь – беспорядочная груда камней, кирпичная крошка и пыль слоем вокруг.

В противоположном конце, довольно большой комнаты, стояла металлическая кровать с тонким матрасом и такой же подушкой, на которых лежала маленькая, лет трёх-четырёх, девочка. Рядом с кроватью, на стуле, сидела стройная, очень милая женщина с бледным лицом, в тёмном платье. Ещё пара стульев стояли в стороне, занятые обшарпанным чемоданом и большой, выдавшей виды, сумкой.

Старая ширма, некогда красочная, разрисованная павлинами в райском саду, стояла чуть поодаль. Она осталась

от бывших соседей: переезжая в новое жильё те не захотели тащить с собой «этот хлам». Больше в комнате не было ничего.

– Я сейчас! – сказала девочка, и торопливо исчезла из комнаты.

– Мама! – позвал Сергей, – я принёс воды.

– Сейчас-сейчас, сынок, – очнулась женщина. – Подожди, я переоденусь и начну уборку.

– Я помогу тебе! – отозвался Сергей.

– Нет-нет, Серёжа! – возразила Нина Фёдоровна. – Ты лучше посиди с Таечкой. Что-то она сегодня мне не нравится...

Нина Фёдоровна достала из сумки повседневное платье и зашла за ширму, чтобы переодеться.

Едва она успела сменить одежду, как мансарда наполнилась звуками, словно в ней заговорили около десятка голосов. На деле их было только трое, как и людей: представительная женщина с короткими, почти пепельными волосами, женщина, более старшего возраста с прямой спиной, строгими глазами, в фартучке, завязанном бантиком на поясице, и парень – высокий, очень громогласный и улыбчивый.

Белокурая женщина окинула взглядом комнату искомандовала парню:

– Заноси!

– Слушаюсь, мадам! – козырнул тот.

– Я тебе покажу мадам! – засмеялась женщина. – Варенька, ты где там прячешься? Помогай матери и брату. Заварила кашу – давай расхлёбывать вместе!

Нина Фёдоровна даже опомниться не успела, как посередине комнаты, как раз под лампочкой появился круглый стол с парочкой стульев, а у стены – кухонный стол и бак с водой, некоторые использовали такой ещё и для кипячения белья, называя его вываркой.

Твёрдым шагом блондинка подошла к Нине Фёдоровна и подала ей руку:

– Ваша соседка со второго этажа – Катерина Михайловна!

И продолжила знакомить пришедших с ней людей:

– Моя свекровь Прасковья Дмитриевна – самая лучшая свекровь в этом городе.

На что Прасковья Дмитриевна молодо засмеялась, подавая руку хозяйке комнаты.

– Этот зубоскал, мой старший сын – Александр, – указала Катерина Михайловна на высокого молодого человека.

В ответ Александр слегка наклонил голову, что видимо, следовало расценивать, как поклон.

– Ну и младшая дочь Варенька.

Варя помахала рукой, словно хотела сказать: – «Я здесь!»

– Очень приятно, – отреагировала с улыбкой мать Сер-

гея. – Меня зовут Ниной Фёдоровной... Это мой старший сын – Сергей и доченька Таечка.

– При переезде она у нас немного простыла, – обеспокоенно пояснила хозяйка. – Даже не знаю, что с ней делать...

– Так, дочерь! – распорядилась Екатерина Михайловна. – Давай скоренько сообрази чайку и неси малиновое варенье – будем девочку лечить! А пока наведём здесь порядок... А ты, сынище, неси мусорное ведро, веник и совок – нужно сначала вынести весь мусор из комнаты. А уж потом браться за тряпку.

И работа закипела.

Через час от печки не осталось следа, полы блестели чистотой, Таечка не только была напоена чаем с вареньем но и накормлена бульоном, который отыскался у одних из соседей. Пила она бульон неохотно, но Катерина Михайловна по ложечке, по ложечке умудрилась скормить девочке всю чашку.

Тем временем Прасковья Дмитриевна принесла раскладушку и матрас с подушкой, сказав при этом:

– Это для Серёжи, – и вытерла фартуком набежавшие слёзы. – Сейчас я ещё керогаз принесу – всё равно он стоит без дела, а вам пригодится... Пока это ещё печь сложат...

Все вместе они расставили появившуюся мебель по местам. Александр водрузил на лампочку абажур и, попрощав-

шись, удалился.

– Ему в ночную смену сегодня, – пояснила Екатерина Михайловна. – Ну, обживайтесь, соседи. Вечером я поговорю с дядей Ваней – он что-нибудь с печкой сообразит.

И соседи так же шумно удалились, как и вошли.

Шёл пятьдесят третий год. Три месяца назад не стало Сталина. И страна, и небольшой городок, в котором происходит действие рассказа, стонали от амнистированных воров, бандитов и убийц. Но вместе с ними из далёкой, холодной Сибири, возвращались домой и политзаключённые.

Глава 2. Кое-что о Федотовых и Фёдоровых

Семья Федотовых перебралась в мансарду из полуразрушенного дома, куда их поместили в самом начале войны, когда их частный дом был разрушен при авианалёте. Хорошо в это время их не было дома, поэтому и мать, и дети остались живы, но практически в том, в чём ушли из дома.

Новому жилью, куда их поселили временно, тоже не повезло: одна половина его рухнула после очередного налёта, а вторая пошла трещинами, которые неумолимо расширялись, как жильцы не пытались их заделывать доступными средствами.

Жильцов дома, разрушающегося на глазах, начали подселять в квартиры в качестве уплотнения. Федотовых переселили последними. Так Нина Фёдорова с Сергеем и Таечкой оказались в мансарде дома 21 на улице с поэтическим названием – Весенняя.

Неуютную мансарду сложно было назвать жильём, скорее это помещение подходило для мастерской художника, появляющегося в ней только в дневное время суток. Одно было хорошо: она не грозило завалиться от вибрации почвы, когда

мимо проезжали гружёные полуторки.

Комната, куда поселили семью Фёдоровых, была большая, с двумя окнами, одно из которых выходило на улицу, а другое во двор. Беспокоило то, что в мансарде не было отопления: печь развалилась, а центральное отопление не было предусмотрено.

Тут ещё, как на беду, младшая дочь Таечка простыла при переезде.

Таечку пришлось отправлять в больницу, потому что у неё оказался сильный бронхит. Девочка всё время плакала и не отпускала маму, но та никак не могла оставить работу, поэтому в больнице с сестрёнкой пришлось находиться Сергею.

Четырнадцатилетнему подростку это ужасно не нравилось, но он понимал, что мать за пропуск работы могут уволить, и им тогда не на что будет жить.

В городе у Федотовых не было родственников, а отец ушёл на войну в конце сорок первого, да и пропал: ни писем от него не было, ни похоронку они не получали, и даже пресловутого сообщения «пропал без вести» им не приходило.

Первые два года после окончания войны семья ещё ждала своего кормильца, надеясь, что глава семьи, возможно, был в плену, и теперь отбывает за это наказание где-то на севере. Но, чем дальше уходил в прошлое День Победы, тем слабее

становилась надежда. И однажды Нина Фёдоровна сказала:
– Всё сынок, отец не вернётся... Его, видимо, нет на этом белом свете.

И стало немного легче. Нина Фёдоровна не вскакивала больше по ночам, не подходила к окну и не смотрела подолгу на дорогу. Жизнь брала своё.

Хотя женщине было невыносимо трудно. Дети требовали своего: нужно было накормить, одеть-обуть, уделить время, которого никогда не хватало.

На себя не оставалось уже не времени, ни средств. Два платья, старый жакет, пальтецо на рыбьем меху и потерявшая всяческий вид обувь, которую приходилось ремонтировать каждый месяц – вот всё, что было у неё. Но Нина фёдоровна никогда не жаловалась, не плакала, жалея себя – тянула свою ношу, как могла.

Военные годы были трудными, но люди понимали это и надеялись, что когда они закончатся – станет легче. Для Нины Фёдоровны и послевоенные годы проходили, как один хмурый, никак не заканчивающийся день, по которому она брела, как рабочая лошадь, таща на себе поклажу невероятной тяжести.

Семье Фёдоровых в материальном плане было немного легче: у них на четырёх членов семьи было двое рабочих рук,

да и Прасковья Дмитриевна очень сильно помогала снохе. В прошлом – неплохая швея, она подзарабатывала тем, что перешивала, перелицовывала знакомым и соседям одежду, получая чаще всего за свою работу не деньгами, а продуктами. Так, что семья не голодала никогда – даже в самое трудное время.

Тяжело было в моральном отношении: прямо перед войной главу семьи, Павла Семёновича, забрали в НКВД, как врага народа. Им ещё повезло: его жена, Катерина Михайловна осталась на свободе – возможно, что-то не срослось в репрессивной машине, возможно, потому, что у неё во время ареста начались схватки, и в этот же день родилась Варенька.

Нина Фёдоровна и Катерина Михайловна были близки по возрасту и поэтому очень быстро сдружились. Судьбы их были похожи: обе уже столько лет без мужей, у обоих двое детей на руках, обе работали всю войну на износ – только сейчас напряжение военного времени стало понемногу уходить.

Но, если у Катерины ещё теплилась слабая надежда, что муж вернётся, то Нина уже ни на что не надеялась.

Нина Фёдоровна считала, что ей очень повезло с соседями: они не только поддержали с того дня, как она с детьми

поселилась в мансарде, но и помогли обустроиться, принесли кое-что из мебели.

На следующий же день к Федотовым наведалься тот самый дядя Ваня, о котором говорила Катерина. Седовласый, пожилой мужчина – жилистый, с руками мастерового, осмотрел место, где стояла печь, что-то обмерил, прикинул, подсчитал на бумажке, даже на крышу залез, осматривая трубу, потом объявил:

– Без помощи ваших ребятишек, мадам, мне не обойтись.

– Я готов! – отозвался Сергей.

– Я тоже! – поддержала его Варя.

– Значит так, детишки-ребятишки, – сказал дядя Ваня, – в квартале от нас ещё не до конца разобрали разрушенный дом... Будем носить кирпич оттуда. Я договорился с главным.

Детишки-ребятишки во главе с печных дел мастером три дня носили кирпич от разрушенного дома. Иногда к ним присоединялся веснушчатый Виктор, который до сих пор злился на Варю из-за леща.

Наконец, дядя Ваня неспешно и основательно приступил к кладке печи.

Немногословный, серьёзный старик понравился детишкам-ребятишкам, соскучившимся по твёрдой мужской руке. Они помогали старику, как умели, иногда вызывая на-

рекание за свою торопливость и «безрукость». Но обижаться на него было невозможно: все его покрикивания никогда не были сердитыми или уничижительными – он больше был похож на доброго дедушку, которого ни у Сергея, ни у Вари, не было.

Печь получилась добротной и, можно даже сказать, «элегантной», как определила Прасковья Дмитриевна, вызвав тем невольную улыбку у всех.

Нина Фёдоровна пыталась отблагодарить старика, но тот категорически отказался:

– Я, что злодей какой, забирать у ребятишек кусок хлеба?!

– Но вы же столько дней потратили, – виновато оправдывалась женщина.

– Мне это было в радость, – ответил дядя Ваня. – Самой большой наградой для меня будет, если вы позволите иногда проводить вас...

– Всегда будем рады вам, – ответила Нина Фёдоровна.

Только потом она узнала, что у дяди Вани погибла вся семья, и он «один одинёшенек» – по выражению всё той же Прасковьи Дмитриевны.

– Ему просто наша баба Паня нравится! – сообщил Александр с такой же обалденной улыбкой, как у младшей сестры.

И, получив за это от бабушки полотенцем, со смехом по-

бежал от неё вокруг стола.

Жизнь понемногу налаживалась. Карточки были давно отменены и снабжение продуктами полностью лежало на Сергее и Варе. Они по своей молодости были легки на подъём и первыми узнавали где и что можно достать.

Сергей стал главным мужчиной в доме, потому что Нина Фёдоровна продолжала работать на двух работах, чтобы обеспечить семью, а на плечи Сергея легли домашние хлопоты и забота о младшей сестрёнке.

Очень часто с Таечкой сидела баба Паня: она забирала девочку к себе и та играла с лоскутиками, оставшимися от портняжной работы бабушки.

Так их и застал вдвоём Павел Семёнович, неожиданно появившийся на пороге собственной квартиры. Прасковья Дмитриевна, увидев измождённого мужчину, облачённого в длинный, непонятный балахон, сначала испугалась и хотела уже позвать на помощь, но мужчина сказал, внезапно охрипшим голосом:

– Мама, ты не узнаёшь меня?

У старой женщины из рук выпали ножницы, а из глаз полились слёзы. Павел бросился к матери и обнял её, опасаясь, что той станет плохо, ведь радость иногда выбивает «из седла» так же, как и горе.

– Павлуша, сынок?! – вскрикнула Прасковья Дмитриевна

и обмякла в его руках.

Глава 3. Всё будет хорошо

Особенно радовалась возвращению отца Варенька, ведь она никогда не видела его. Это была первая встреча отца и дочери.

– Доченька, какая же ты без меня выросла большая! – с радостным удивлением сказал Павел, обнимая дочь. – И какая красивая! А имя какое! Варенька... Варюша... Девочка моя родная...

Варя даже слегка зарделась от этих слов – она никогда таких не слышала.

Бабушка Паня – старая коммунистка, строгая, прямая, скуповатая на ласковые слова, хотя, несомненно любящая обоих внуков.

Мама Катя – вечно в трудах и заботах, на плечи которой легла мужская обязанность: заработать семье на хлеб насущный. На сюсюканье времени у неё уже не оставалось.

Несмотря на то, что муж был репрессирован, Екатерина Михайловна сумела окончить юридический факультет и теперь занимала не последнюю должность в прокуратуре области, поэтому просто не могла уделять детям столько времени, сколько им хотелось. Да и на ласку она была тоже скуповата.

Со стороны порой казалось, что Прасковья Дмитриевна ей приходится не свекровью, а матерью – так они были похожи характерами: сильные, волевые, несгибаемые женщины с нелёгкой судьбой.

Семейная идиллия после возвращения Павла продолжалась недолго: начались серьёзные проблемы с его здоровьем. От резкой смены климата у Павла Семёновича обострились хронические заболевания, которые он получил за 13 лет, находясь в нечеловеческих условиях колымских лагерей. Ко всему прочему открылся и туберкулёз, что угрожало здоровьем детей.

Павлу нужны были лекарства, хорошее питание, внимание и постоянный уход. Семье пришлось основательно подтянуть пояса, чтобы обеспечить больного всем необходимым.

Особенно переживала по поводу здоровья сына Прасковья Дмитриевна: она уже потеряла младшего сына Сергея, на которого пришла похоронка в середине 44-го, и вот теперь жизнь старшего висела на волоске.

Пожилая женщина плакала по ночам в подушку, вскакивала по первому шороху, доносящемуся от кровати сына, брала на себя главное: уход и внимание, ведь снохе и старшему внуку нужно было работать, чтобы обеспечивать всем необходимым увеличившуюся семью.

Екатерине Михайловне с большим трудом, по знакомству, удалось сначала определить мужа в тубдиспансер, чтобы приглушить открытую форму коварного заболевания, потом отправить его в санаторий в Кисловодск.

Соседи косились, у Вари начались проблемы со сверстниками. Вот когда она почувствовала на себе, что значит быть дочерью репрессированного. Даже Виктор Бахнин, который раньше добивался её внимания, словно с цепи сорвался. Ему не давало покоя и то, что Сергей и Варя сдружились, и на него почти не обращали внимания.

Сначала Бахнин язвил так, вскользь, походя, потом начались дразнилки в открытую:

– Фёдор и Федот разинули рот – ворона влетела, Варька её съела!

Сергей однажды не выдержал и подрался с Виктором. Досталось обоим, но Бахнин тут же пожаловался на Сергея, и его мать – «базарная баба» – и в прямом, и в переносном смысле явилась к Федотовым разбираться. Орать начала ещё задолго до дверей дома, и не останавливалась до самой мансарды.

– Где твой беспризорник?! – кричала женщина, всем своим видом нагоняя страх на тихую Нину Фёдоровну. – Смотри, что он сделал с моим мальчиком?! Да я сотру вас в поро-

шок! А твоего бандита упрячу туда, где Макар телят не пас!

На её крик сначала прибежала Варенька, а потом и Катерина Михайловна.

Она внимательно посмотрела на брызгающую слюной торговку и сказала спокойно, но с таким выражением, что Бахнина, чуть не села на пятую точку.

– Если не прекратишь верещать, купчиха, я вызову наряд и отправлю тебя на пятнадцать суток за нарушение порядка... Что тычешь пальцем в своего сыночка? Всем известно, что он у тебя первый хулиган...

После того, как мать Виктора прикусила язык, Катерина позвала второго фигуранта драки:

– Сергей, выйди, пожалуйста, к нам!

И парнишка вынужден был появиться перед очами сбежавшихся на крик соседей. Вид у него был ничуть не лучше, чем у Виктора. Только вместо синяков у него было расцарапано лицо и заплыл глаз.

– Полюбуйтесь, дорогие соседи, что сделал с Сергеем этот «образцовый» мамин сынок Бахнин! Он мальчику чуть глаз не выцарапал... Я сегодня же напишу заявление нашему участковому и попрошу вас подписаться в качестве свидетелей.

Соседи согласно закивали головами, объявив, что с радостью подпишут заявление, потому что Бахнин уже всем

достал своими выходками: то стекло разобьёт, то подерётся с кем-нибудь, то отберёт у младших карманные деньги, то начинает задира́ть малышей, доводя их до слёз.

Претензий к Виктору было более, чем достаточно, и его мамаше пришлось идти на попятную – самой просить прощение за поведение сына и давать обещание, что это больше не повторится. А в заключение Виктор получил от неё добрую затрещину.

После этого скандала Бахнин целую неделю не зади́рал Варю, а когда вновь завёл свою шарманку с вороной, девочка не выдержала и ответила:

– Витька снова весь в соплях – видно дело его швах. Он таким останется – невеста не достанется!

Бахнин пару минут открывал рот, но так ничего и не придумав в ответ, плюнул и ушёл.

После этого отсколотил свою ватагу и объявил новоявленным друзьям:

– Если Федотов с Фёдоровой зайдут на нашу территорию – будем бить!

С этого дня Сергея и Варю начали дразнить женихом и невестой.

Несколько раз Сергей хотел расквасить Виктору нос, но Варя останавливала его:

– Будем выше этого, Серёжа! Он же специально это дела-

ет, чтобы потом во всём обвинить тебя.

Осенью брата Вареньки – Александра, призвали в армию. Провожали парня всем двором. Импровизированное застолье организовали под раскидистыми деревьями в центре двора. Вынесли на улицу столы, из табуреток и досок сделали скамьи, покрыв их старыми покрывалами.

Для угощения каждая семья выносила на стол всё, чем богата. Стол получился на удивление разнообразным: картошка – начиная от варенной, запечённой и мятой; овощи; рыба – начиная от наваристой ухи, жареной, запечённой – вплоть до вяленой и даже копчённой. С рыбой постарался дядя Ваня – заядлый рыбак и, как оказалось, неплохой мастер в её приготовлении.

Были на столе и каши с запеканками и даже мясные деликатесы, которые по случаю достала Катерина Михайловна. Это было главное украшение стола, на которое поглаживали все, надеясь, что каждому достанется по кусочку колбасы и мяса. Было и спиртное, но в небольшом количестве, в расчёте на то, что его будет употреблять только старшее поколение мужчин – молодёжь к такому «деликатесу» не была приучена.

Больше всех на проводах сына набрался Павел, к тому

времени вернувшийся из санатория. Выглядел он теперь по-свежевшим, набрал вес и стал похож на нормального мужчину, а не на «ходячего скелета», как его назвала соседка с первого этажа баба Клава, когда впервые увидела после возвращения из лагеря.

Выпив лишнего, Павел так раздухарился, что начал вытаскивать в круг на танцы молодых, оставшихся из-за войны без парней. Его поведение не осталось незамеченным. Екатерина Михайловна с трудом удерживалась от того, чтобы не остановить, вошедшего в раж, мужа. Ей стыдно было перед соседями и она потихоньку встала из-за стола и ушла к себе.

Прасковья Дмитриевна повела себя на правах матери более решительно: она подозвала внука, и они увели Павла из застолья и уложили спать. Тот немного ещё покуражился и вскоре заснул сном праведника.

– Катерина, – попросила Прасковья Дмитриевна сноху, – не сердчай на Павла... Он столько хлебнул там... Нам даже в страшном сне не может такое присниться. Вот увидишь – всё у вас будет хорошо.

– Надеюсь, мама, что вы правы, – ответила Катерина.

– Я права! – подтвердила Прасковья Дмитриевна, заискивающе поглаживая руку снохи. – Всё будет хорошо, дочка. Ты только немного подожди.

Глава 4. Возвращение блудного отца

После отъезда сына, Павел, словно с цепи сорвался. Он уходил утром из дома, чтобы подыскать работу, но бесполезно протолкавшись весь день по приёмным «больших начальников», к вечеру умудрялся набраться под завязку спиртного, зачастую возвращаясь домой с помощью сомнительных лиц – в радужном настроении, разве только без песен и плясок, потому что с трудом переставлял ноги.

Его не брали даже трудовиком в школу, хотя до войны Павел Семёнович преподавал в институте на физико-математическом факультете «основы физики твёрдого тела» и «основы высшей математики». Эти «хождения по мукам» стали пределом его терпения, и в один из дней Павел не вернулся домой.

Катерина Михайловна всех друзей и знакомых подняла на ноги, разыскивая мужа, а нашёл его Бахнин.

Этот пацан, казалось быв в курсе всех происшествий в городе, везде успевал, везде был своим в доску, во всё совал свой нос.

Остановив Варю у самого подъезда дома, он вполне ми-

ролюбивым тоном спросил:

– Я слышал, что вы ищете отца?

– А тебе какое дело? – полоснула его взглядом девушка. – Я не хочу с тобой разговаривать – уходи по-добру, по-здорову!

– Да никакого, – сплюнул тот. – Только я знаю, где он... Но, если тебе это не интересно – могу и уйти.

Засунув руки в карманы, Бахнин спокойно развернулся и пошёл прочь.

Варя недолго боролась со своей гордостью и, наконец, сдалась.

– Стой! – крикнула она уже в спину уходящему Виктору.

– Стою, – ответил тот, даже не повернув голову в её сторону.

Варя догнала Бахнина, обошла его и встала перед ним глаза в глаза.

– Ну? – спросила она.

– Что ну? – изобразил полное непонимание Виктор.

– Сказал а – говори и б, – усмехнулась Варя, зная на какую «болевою точку» нужно давить. – Или, как обычно, просто так ляпнул, чтобы пыль в глаза пустить?

Веснушки Витьки начали темнеть, не от от злости, не то от обиды, но он взял себя в руки.

– А не струсил? – ухмылка растянула его губы.

– Пошли! – твёрдо ответила Варя. – Если что тебе-то уж я отпор всегда смогу дать – даже матери жаловаться не стану.

И на сей раз Виктор стерпел унижение, решив, что, если ещё раз эта девчонка скажет что обидное, то он, непременно, вернёт ей леща.

Бахнин привёл Варю на окраину города в какие-то непонятные строения и Варя сказала, что дальше не пойдёт.

– Что струхнула? – засмеялся Бахнин.

– Не хочу ноги себе переломать, – набычилась девчонка, оглядываясь вокруг, словно выбирая путь к отступлению.

– Жди здесь! – сказал Витька. – Я сейчас.

И исчез в зарослях кустарника.

Послышался свист и Варя уже намеревалась дать стрекоча, но тут кусты раздвинулись и из них вышел отец. За какую-то неделю он сильно изменился: оброс, одежда его была грязной, кое-где порванной, глаза покраснели и он снова начал покашливать.

– Варя?! – воскликнул он, начав пятиться назад. – Зачем ты здесь?

И девочка, неожиданно для себя, заплакала.

– Как ты мог, папка?! – твердила она, размазывая слёзы по щекам. – Как мог?... Мы же любим тебя... У бабы Пани сердечный приступ случился после того, как ты исчез... Ма-

ма перестала спать и почти не ест, разыскивая тебя... Я тебя так ждала! Так ждала... Папка! А ты... А ты...

Больше говорить она уже была не в состоянии.

– Прости, доченька, – опуская голову, сказал Павел. – Но я подумал, что всем станет легче, если я исчезну... Вам и без этого проблем хватает, а тут ещё я свалился на голову... Дармоед.

Варя хотела подойти к отцу, обнять его, но тот отпрянул назад.

– Не подходи, пожалуйста, – сказал тихо. – У меня, кажется, снова открылся туберкулёз.

Но Варя, несмотря на признание отца подошла к нему вплотную, взяла за руку и сказала с мольбой:

– Пошли домой, папка... Пожалуйста...

Так и вела его за руку через весь город, словно он малое дитя. Павел не противился, шёл молча и, казалось, по его щекам бежали струйки пота, Или всё же это были слёзы?

Не доходя до дома метров двадцать он остановился в нерешительности, его взгляд говорил о многом, и Варя поняла, что хотел спросить отец.

– Папка, – потянула она его за руку. – никто даже слова тебе не скажет... Вот увидишь! Я знаю.

– Посидим немного здесь, на скамеечке, доченька, – по-

просил Павел. – Стыдно перед соседями появляться в таком виде...

– Посидим, – как взрослая ответила дочь. – Ты мне расскажешь где жил эту неделю, чем занимался?

– Там и жил, – криво улыбнулся Павел. – Ты не думай, что в этом заброшенном месте какие-то бандиты обитают... Такие же мужики, как я. У кого-то никого и ничего не осталось, кто-то стал инвалидом, кто-то не смог бороться с системой и опустился на дно...

– Как ты жил там, папка?! – удивилась Варя. – У тебя же есть семья... Есть я с Сашкой...

– Прости, девочка, – опустил голову Павел. – Соседка назвала меня дармоедом, вот я и сорвался...

– Это которая?! – взвилась Варя. – Баба Клава что ли? Она известная на весь двор дурища! Когда треплет языком – мозги у неё отключаются совсем.

– Не говори так, дочка, – мягко возразил Павел. – По сути она права... Я ведь сижу у вас на шее... Сколько не пытался найти работу, как узнают, что я отбывал срок на Калыме – сразу отказывают... Только при разгрузке вагонов не спрашивают кто, зачем и почему... Я тут немного денег зареботал...

Павел полез в карман брюк и достал небольшую стопочку

денег.

– Возьми, Варенька – отдашь матери.

– Сам отдашь, папка, – отвела его руку Варя.

– Боюсь она меня и на порог не пустит, – понуро признался Павел. – Катя всегда была боевой, стойкой... Не то, что я... Непонятно, как я вообще смог выжить в лагере – такие обычно не выживали... Очень хотел тебя увидеть. Хотя одним глазком.

– Эх, папка-папка, – гладила его по дрожащей руке Варя, – увидел и решил от меня сбежать?!

– Не от тебя – от себя, – признался Павел.

В дом они вошли, когда на улице уже было темновато, и все соседи отдыхали после трудового дня.

И всё-таки глазастая баба Клава, словно караулила их, сидя возле открытого окна.

– Здравствуй, соседка, – произнесла она елеинным голосом. – Где пропадал? Тут тебя уже с собаками скоро начнут искать...

Варя опередила отца:

– Папка на заработки уезжал! – поспешно ответила она въедливой старушке. – Деньжат подзаработал... У нас всё-таки семья – не то, что вы «сирота казанская».

Баба Клава торопливо захлопнула окно, а Павел тихо засмеялся:

– А ты, дочура, язвочка у меня, оказывается!

– С волками жить – по волчьи выть, – ответила Варя, не поняв восхищается отец, или возмущается.

Реакция на его возвращение была совсем не такая, как себе воображал Павел.

Мать всплеснула руками и неожиданно сказала:

– Ну, слава Богу, нашёлся!

Катерина, увидев мужа, тоже, как мать, всплеснула руками и сказала:

– Иду греть воду. После помывки – будем ужинать.

Глава 5. Третий лишний

Утром Варю снова ждало открытое окно на первом этаже, всевидящее око бабы Клавы и её вкрадчиво-ехиднёвкий голосок:

– Что, девонька, бежишь мимо и не здороваешься? Или образованные родители не научили старших уважать?

– Уважать нужно тех, кто это уважение заслуживает! – ответила Варя, не отворачивая взгляда.

– А я что, по-твоему, уважения не заслуживаю? – растерялась баба Клава.

– Нет, не заслуживаете! – выдала девчонка.

И добавила:

– Ещё раз назовёте моего папку дармоедом или ещё каким нехорошим словом, я расскажу нашему участковому – Олегу Петровичу, что вы гоните самогон и потом по вечерам торгуете им!

– Тю, сказылась, чи шо?! – возмутилась баба Клава, как всегда переходя на украинский язык, когда её припирали к стенке.

– Участковый разберётся, кто из нас сошёл с ума, баба Клава, – отреагировала Варя. – Только боюсь, что вам тогда не поздоровится... Вы не в курсе, что за самогонование срок тюремный положен?!

Соседка что-то пробормотала себе под нос и тут же захлопнула ставни. И Варя довольно рассмеялась в полной уверенности, что после этого злобредная старушка оставит её отца в покое.

Не успела девочка отойти от дома, как, словно из под земли возник Бахнин.

– Ты, что меня караулишь что ли? – удивилась Варя.

– Ещё чего?! – возмутился Виктор. – К матери иду на рынок – помочь просила.

Виктор с обидой отвернулся от девчонки, досадуя на то, что опять она им недовольна.

– «Вот ведь вредина какая?! – думал он. – Весь город перерыл, чтобы её батьку отыскать... А она даже спасибо не сказала».

Словно услышав его мысли, Варя неожиданно сказала совсем другим тоном, как взрослому:

– Спасибо, Виктор! Ты молодец.

– Да не за что, – смутился Бахнин и быстро заторопился прочь. Варя только хмыкнула ему во след: таким Бахнина она ещё не видела никогда.

– Оказывается и он может быть человеком! – решила она и зашагала по своим делам.

С каждым днём становилось всё прохладнее. Заканчива-

лась первая четверть. Так получилось, что и Варя, и Сергей, и Виктор попали в один – 7 «А» класс. Сергей перевёлся в ближайшую школу сразу после получения нового жилья, а Виктор специально уговорил мать перевести его в эту же школу, мотивируя просьбу тем, что ему надоело каждое утро «таскаться через весь город» в его бывшую школу. Мать доводу поверила, хотя главной причиной было совсем иное: Бахнин решил, что «голубки» должны быть у него постоянно на глазах.

Соперничество между двумя подростками развернулось с самых первых дней учёбы. И, если Сергей брал знаниями и своей серьёзностью, то Виктор нахрапистостью и наглостью. Умел этот парнишка выходить сухим из воды. Терялся только под осуждающим взглядом Вареньки. Ретировался сразу, чтобы не терять лица перед дружками, скорчив «зверскую» мину.

Иногда это противостояние доходило чуть ли не до абсурда: подростки могла всю перемену состязаться друг с другом в «гляделки», или затеять борьбу на руках, или доказывать кто больше подтянется на турнике, отожмётся от пола.

Варя порой сердилась на Сергея за то, что тот поддаётся на провокации Виктора, но тот не мог уступить наглецу Бахнину, считая, что таким образом роняет себя в глазах девочки.

Весь учебный год прошёл в переменных победах: то Сергей побеждал Бахнина, то Виктор Федотова. И, если здесь соперничество было на равных, то в учёбе Виктор сильно проигрывал. Это выводило его из терпения и он начинал зубрить всё подряд, напрашиваясь, чтобы учителя вызывали его к доске. Нахватав в начале четверти четвёрок и даже пятёрок, потом Бахнин забрасывал зубрёжку и снова начинал скатываться на тройки и двойки. Поэтому знания у него по всем предметам были поверхностные, можно даже сказать: фрагментарные.

После окончания седьмого класса, мать Виктора хотела устроить его в кооперативный техникум, чтобы он пошёл по её стопам. Но Виктор заявил, что будет заканчивать десять классов и поступать в институт.

– Ты, что, сынуля, с ума спятил? – удивилась Василиса Игнатьевна, – Зачем протирать штаны столько лет, если ты всё равно в институт не поступишь?!

– Это почему не поступлю?! – разозлился сынуля.

– Для этого нужно хорошо учиться, как, например, «профессорская дочка», или её дружок Федотов, – ответила Василиса. – А не так, как ты – через пень-колоду.

Самолюбивый Виктор даже зубами заскрипел от того, что ему не верит даже собственная мать. Ответил, как отрезал:

– Вот посмотришь: я школу закончу не хуже их!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.